

УДК 950/960

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУРХАЙ-ХАНА И ДАУД-БЕКА В СВЕРЖЕНИИ ИРАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ И РАЗГРАНИЧЕНИИ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ПРИКАСПИЙСКИХ ОБЛАСТЯХ (1721–1728 гг.)

М. Н. Сотавов

Дагестанский государственный университет народного хозяйства

В статье освещены проблемы свержения иранского владычества на Кавказе и разграничения сфер влияния в прикаспийских областях, роль в этих событиях Сурхай-хана и Дауд-бека. Охарактеризованы русско-иранский Петербургский договор 1723 г., положивший начало присоединению к России указанных территорий, и русско-турецкий Константинопольский договор 1724 г., определивший механизм, условия и границы их размежевания. Уточнены сущность и точные даты рассматриваемых в статье основных событий. Показано отношение к политике сторон народов региона, определяющие факторы их внешнеполитической ориентации.

The article is devoted to the problem of overthrow of Iran dominion in the Caucasus, demarcation of spheres of influence in the Caspian regions, and the role of Surkhay-khan and Daudbek in the events. The Russian–Iranian Treaty of Petersburg in 1723, which marked the beginning of connection of the mentioned territories to Russia is considered. It is considered the Russian–Turkish Treaty of Constantinople in 1724, which determined the mechanism, conditions, and borders of demarcation is also scrutinized. The essence and exact dates of the main events under study are given in the article. It is also shown how the peoples of the region regarded the policies of the sides and what the main factors of their foreign orientation were.

Ключевые слова: Кавказ; Иран; Турция; Россия; Сурхай-хан; Хаджи Дауд; подданство; разграничение; свержение; ориентация; присоединение.

Keywords: Caucasus; Iran; Turkey; Russia; Surkhay-khan; Khadzi-Daud; citizenship; demarcation; overthrow; orientation; joining up.

20-е гг. XVIII в. ознаменовались для народов региона важными событиями, каждое из которых имело для них судьбоносное значение: свержение иранского владычества, Каспийский поход Петра I, присоединение прикаспийских областей к России, разграничение их между Россией и Турцией и др. Изучение и освещение этих событий на уровне современных требований имеет актуальное научное и политическое значение, а также позволяет устранить имеющиеся пробелы в их интерпретации.

С целью освещения событий в такой коллизии в статье показана деятельность и роль Сурхай-хана и Дауд-бека, сопричастных более других владельцев к основным событиям описываемого времени. Для ясности отметим, что непрерывное владычество сефевидских шахов в регионе к этому времени насчитывало более 80 лет и явилось главной причиной антииранских восстаний, что обусловило внимание к этим событиям не только современников, но и исследователей последующих периодов вплоть до наших дней [1–4].

Казалось бы, что такой интерес к антииранским восстаниям должен был внести ясность в определение их причин, роли руководителей и их внешнеполитической ориентации, точной датировки основных событий, особенно взятия Шемахи Сурхай-ханом и Дауд-беком, ускорившим дальнейшие события, но этого не случилось. Наоборот, в отечественной и зарубежной историографии XIX – начале XX в. причины антииранских восстаний авторы усматривали в «прирожденной» склонности горцев к набегам, квалифицируя их как «бунты», «мятежи» и «разбой» [5–8].

Но в этих утверждениях искажена социальная природа восстаний, которые явились ответной реакцией на усиление экономического гнета, политической, национальной и религиозной дискриминации сефевидских шахов. Особенно пагубно эти бедствия сказались при шахе Султан Хусейне (1694–1722), когда произошло «очень резкое повышение (налогов – *Н.С.*) между 1698 и 1701 гг. ... Была проведена новая перепись населения и объектов обложения, сопровождавшаяся истязаниями крестьян и сельских старшин по подозрению в даче неправильных показаний, – подчёркивает П.И. Петрушевский. – Подушная подать была увеличена втрое, были введены новые подати... Было повышено обложение кочевников. Разоренные крестьяне оказались на грани нищеты» [9].

Что касается оценки политического лица руководителей антииранских восстаний – Сурхай-хана Казикумухского, Хаджи Дауда Мюшкюрского, Ахмед-хана Кайтагского и Али Султана Цахурского, то некоторые исследователи впадают в другую крайность, отводя им роль «агентов», «наймитов», «ставленников» Порты, покорно выполнявших ее волю, выступая против России, постоянно совершая грабежи и набеги на своих соседей [10–12].

Однако документы свидетельствуют, что даже главные из них – Сурхай-хан и Хаджи Дауд – обращались за подданством к России раньше, чем к Турции – в апреле и июне 1721 г. [13, с. 241; 14]. Эти обращения остались без последствий, что не могло не повлиять на внешнеполитическую ориентацию местных владетелей. По нашему мнению, их позиции в сложившихся условиях верно определил А.А. Неверовский. «Владетели воспользовались этими волнениями, – писал он, – чтобы совершенно отложиться (от Ирана. – М.С.), так как предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений» [15].

Сказанное А.А. Неверовским относится ко второй волне антииранских восстаний 1710–1711 гг.^{*}, охвативших Кайтаг, Джары, Талы, Цахур, Табасаран, лезгин Самурской долины и Северный Азербайджан. На этот раз иранские власти не смогли быстро подавить совместные выступления народных масс Дагестана и Азербайджана. Восставшие вступили в Ширван, прошли по окрестностям Шемахи, Гянджи, Казиха, Акстафы, Дзегамы, Шамхора, Барды, Шеки, нападали на Кубу и Дербент. В сражении с восставшими погибли правитель Ширвана Гусейн Али-хан и Шеки – Кичик-хан. Потерпев поражение, едва спасся бегством Угурлу-хан Гянджинский [16; 17, с. 18].

И только после этого к восставшим, преследуя свои цели, присоединились Хаджи Дауд Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский, Ахмед-хан Кайтагский и Али Султан Цахурский. Осенью 1712 г. во главе 30-тысячного войска они напали на Шемаху, надеясь усилить свое влияние на Кавказе, но не добились успеха. После этой неудачи Ахмед-хан под влиянием шамхала Адиль-Гирея воздержался от дальнейшей борьбы, а Сурхай и Али Султан вернулись в свои владения. Хаджи Дауд продолжал нападать на отдельные иранские гарнизоны, но попал в плен и содержался в дербентской тюрьме до освобождения своими единомышленниками в 1721 г.

В свете этих фактов становится очевидной несостоятельность утверждений некоторых авторов XVIII–XIX вв. о времени взятия Шемахи Сурхай-ханом и Хаджи Даудом, сопровождавшегося ограблением и убийством русских купцов, после чего последовало их обращение за подданством к Турции. Ф.И. Соймонов и П.Г. Бутков относят это событие к 1712 г. [18, 19], С.И. Голиков, В.В. Комаров и А.А. Бакиханов – к 1713 г. [20–22]. Уместно отметить, что среди авторов XIX в. наиболее верно определяет эту дату С.М. Соловьев – 1721 г., ссылаясь на подлинные источники.

Так, 9 сентября 1721 г. вырвавшиеся из шемахинского побоища купеческие приказчики В. Скорняков и Ф. Скоков сообщили в Астраханскую губернскую канцелярию о том, что в июне они были в Шемахе по торговым делам, но 7 августа «оной город Шемаха от лезгинского владельца Дауд бека и казикумухского владельца Сурхая и кабалинцев взят» [23]. Ссылаясь на это сообщение, С.М. Соловьев пишет: «21 июня (1721 г. – М.С.) Дауд бек и Сурхай явились у Шемахи, 7 августа взяли город и стали жечь и грабить знатные дома. Русские купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что их грабить не будут, но вечером 4 000 вооруженных лезгин и кумыков (казикумухцев. – М.С.) напали на русские лавки в гостином дворе, прикащиков погнало саблями, некоторых побили, а товары все разграбили ценою на 500 000 рублей» [24].

В связи с этими событиями Коллегия иностранных дел отправила для ориентировки русскому резиденту в Стамбуле И.И. Неплюеву сообщение о том, что «... в области шаха Персидского, города Шемаха, над нашими подданными русскими купцами ... учинился следующий бедственный случай, а именно: персидского подданной лезгинский владелец Дауд бек да казыкумыцкий владелец Сурхай вошел в тот город Шемаха большинстве... оным городом овладели и истребив подданных наших, многих знатных купцов побили до смерти и награбили товаров ценою около миллиона рублей» [25].

Приведенные материалы подтверждают, что взятие Шемахи, насилие над русскими купцами и обращение Сурхая и Дауд-бека за подданством к Турции последовало не в 1712 г. и не в 1713 г., а после взятия ими Шемахи в 1721 г. Об этом свидетельствуют официальные документы, выписки из журналов, а также отдельные исследования современников событий и публикации наших дней. Среди таких документов – Манифест Петра I от 15 июля 1722 г.,

* Первая стихийная волна 1707–1709 гг., проходившая на локальной территории Джаро-Белока и Цахура под предводительством местных старшин, без труда была подавлена иранскими войсками.

в котором говорится, что шемахинское побоище произошло «... от рождества бога нашего Иисуса Христа 1721 года», а сумма ограбленных товаров и пожитков составила около 4 млн рублей [13, с. 244]. Современник событий Е.Х. Джалалян, хорошо осведомленный об этих событиях, отмечая, что «...в августе во время поста богородицы в среду 1770 г. армянского (1721 г.) Шемаха была взята», и уточняет, что число убитых русских купцов составляло 300 человек, а представителей иранской администрации во главе с заместителем шаха на Кавказе Кей Хосров-ханом – 800 [26]. Исследования Н.А. Смирнова, В.Г. Гаджиева, Ф.М. Алиева и Н.А. Сотавова также подтверждают как единственно верную эту дату – 1721 г. [17, с. 31, 32; 27–29].

В свете сказанного представляется недостаточно аргументированным содержащееся в исследовании А.А. Бутаева утверждение о том, что «Шемаха была взята во главе с Хаджи Даудом дважды: в 1712 и в 1713 годах» [30], хотя бы потому, что в первом случае из этой акции выключены все руководители восставших, кроме Дауд-бека; во втором – Сурхай-хан, действовавший с ним заодно от начала до конца. В унисон с нашим мнением звучит и однозначное заключение Ф.М. Алиева: «Шемаха была захвачена повстанцами под руководством Гаджи Дауда однажды – 1721 г.» [17, с. 32].

Сказанное подтверждается и тем, что вопрос об ограблении русских купцов в Шемахе и возмещении им убытков в переговорах между Россией и Ираном до Петровского похода 1722 г. не упоминается. Об этом умалчивают и введенные в оборот Ф.М. Алиевым и Г. Мамедовой новые материалы, представляющие в первом случае выписки из журнала о переговорах русского посла А.П. Волынского с упомянутым Кей Хосров-ханом 28 сентября 1716 г. в Шемахе об улучшении условий торговли для русских купцов [31]; во втором – выписки из журнала русского консула в Шемахе С. Аврамова о торговле и других проблемах русских подданных вплоть до 1721 г. [32]. В обоих случаях отмечены даже единичные факты ущемления прав и интересов русских купцов в 1707–1715 гг. в различных местах, но ни слова не сказано о массовом ограблении и убийстве русских купцов, что не могло бы быть обойдено молчанием, если столь неординарное событие случилось в 1712 г.

Как бы то ни было, уничтожение Сурхай-ханом и Дауд-беком главной опоры шахского режима на Кавказе со взятием Шемахи в августе 1721 г. явилось событием большой исторической важности, подвигнувшим покоренные народы на борьбу против Сефевидов, а Россию и Турцию – к реализации стратегических целей своей кавказской политики. Главными событиями, в которых впредь стала проявляться ведущая роль Сурхай-хана и Дауд-бека на кавказской арене, стали Каспийский поход Петра I, завершившийся занятием русскими войсками в июле – августе 1722 г. территории от Аграханского залива до Дербента; принятие Портой в свое подданство в декабре того же года Дауд-бека в качестве верховного правителя Дагестана и Ширвана, чтобы он «всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев» [33]; подписание в сентябре 1723 г. русско-иранского Петербургского договора, а в июне 1724 г. – русско-турецкого Константинопольского трактата.

При этом, если первый из них – Петербургский – обрел форму взаимовыгодного дружественного союзного договора между Россией и Ираном, то второй – Константинопольский – стал лишь предвестником временного смягчения чрезмерной напряженности между Петербургом и Стамбулом. Так, согласно ст. 1-й Петербургского договора Петр I обещал скитавшемуся в Тебризе шаху Тахмаспу II «сильное вспоможение» против афганских завоевателей, а тот уступал царю «в вечное владение» Дербент и Баку с их округами, а также провинции Гилян, Мазендеран и Астрабад [13, с. 286].

Однако совершенно иной характер обрел Константинопольский договор 1724 г., признавший за Россией владения, принадлежавшие ей ранее, т.е. области, переданные Ираном по Петербургскому договору, а также 2/3 приморской полосы Ширвана и часть земель по Самуру, считавшихся находящимися под протекцией Сурхая. К Турции переходили бывшие иранские владения в Азербайджане (кроме Ардебилля), Грузии, Армении и часть западных областей Ирана. На территории Ширвана учреждалось отдельное Шемахинское ханство во главе с Дауд-беком под османским сюзеренитетом. В Дагестане под власть турецкого султана отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель, находившихся под покровительством Сурхая [34, 35].

Как и следовало ожидать, Константинопольский договор, подписанный за спиной народов Кавказа, вызвал их недовольство, особенно Сурхай-хана, существенно задев его интересы как со стороны Турции, так и России. Затаивший обиду на Порту с тех пор, как она приняла в свое подданство «простого мужика» (Дауда Хаджи. – *М.С.*) и пренебрегла им – «природным князем», Сурхай-хан стал выступать теперь не только против своего соперника, титулованного султаном Хаджи Дауд-беком, но и против самих турецких властей, что значительно сказалось на процессе разграничения. Обусловливалось это тем, что согласно трактату 1724 г. к

России отходила приморская полоса шириной 100–119 верст в Дагестане и 43 версты в Ширване. На части этой территории по Самуру, ниже Кураха, располагалось 10 лезгинских аулов влиятельного союза Кюре, считавшихся находящимися под протекцией Сурхая. В Кубинской провинции, выше Рустау, располагалась стратегически важная крепость Теньга, входившая в зону российского влияния, но занятая Дауд-беком, вопреки указанному договору. Этим обстоятельством часто пользовалась Порта, активно препятствуя разграничению в российской зоне, подталкивая Дауд-бека и Сурхай-хана на выступления против России.

По этой причине разграничение, начавшееся в начале апреля 1726 г., чрезмерно затянулось. Первое препятствие на этом пути возникло уже в конце сентября, когда после разграничения в Табасаране и Ширване турецкие комиссары отказались вступить в Кюре. Причиной вынужденной задержки, по сведениям русского посла в Стамбуле И.И. Неплюева, было то, что крепость Теньга «доставалась в нашу сторону», но, дабы этого не случилось, Дауд-бек «купил пашу (руководителя турецкой комиссии Сари Мустафу-пашу. – М.С.), чтоб ныне границы не окончал», заплатив за это «12 тысяч туманов, что будет нашими деньгами 120 тысяч рублей» [36]. Кроме того, жители демаркационных зон, особенно Дагестана, оказывали упорное сопротивление «разграничительной» (захватнической. – М.С.) политике обеих сторон.

В такой ситуации Дауд-бек не смог оправдать надежд, возложенных на него Портой, и стал терять ее доверие. Сурхай, наоборот, заняв независимую позицию в отношении Петербурга и Стамбула, продолжал укреплять свое влияние в регионе. Такое положение сохранялось до конца 1727 г., когда султан Ахмед III отвернулся от Хаджи Дауда и решил привлечь на свою сторону Сурхая, предложив ему шемахинский трон с большим годовым жалованьем и с доходами от уездов Кабала и Акдаш в Шекинской провинции [37]. В мае 1728 г. Дауд-бек был арестован турецкими властями и сослан на остров Кипр, где он и скончался.

Политическая гегемония в Дагестане и Ширване с тех пор безраздельно перешла к Сурхаю, вставшему на путь временного (с пользой для себя) сотрудничества с Портой, хотя до этого он не раз выступал против планов османской экспансии на Кавказе и попыток султанского двора присовокупить к своим владениям Кюре, относившееся по Константинопольскому трактату к России. Таким путем Сурхай-хан объединил под своей властью «огромную по масштабам Дагестана территорию» [38, 39], ставшую впоследствии одним из главных центров в борьбе против агрессии Надир-шаха.

Таким образом, время показало, что семилетний период, начавшийся со свержения иранского владычества на Кавказе в 1721 г. и завершившийся принятием Сурхай-хана в подданство Турции в 1728 г., стал серьезным испытанием для народов региона. Ощувив на себе воздействие Каспийского похода Петра I (1722 г.), Петербургского русско-иранского 1723 г. и Константинопольского 1724 г. договоров, они сумели сохранить свою самобытность, язык, веру, культуру и славные боевые традиции, необходимые для дальнейшей жизнедеятельности в преддверии новых испытаний. В центре судьбоносных событий, как всегда, оказались народы Дагестана, достойно показавшие себя наряду с другими народами Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1935. С. 11.
2. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 316.
3. Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1963. Т. 11. С. 123.
4. Clemens Sidorko. Kampf den Ketzerischen Gizilbaşi. Die Rewolte Haggi Daud (1718–1728). // Kafkasya between the Ottoman Empire and Iran: 1555–1914. Wiesbaden, 2000. P. 141, 143.
5. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823. Ч. 2, т. 4. С. 9, 12.
6. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885. Вып. 1. С. 12, 59.
7. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2. С. 14, 15.
8. Cevdet A.P. Tarichi Cevdet. Birinci cild. Bölüm 9. Istanbul, 1966. S. 375.
9. Петрушевский П.И. Очерки истории Азербайджана и Армении в XVI – начале XIX в. Л., 1949. С. 332.
10. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М., 1951. С. 100, 102, 106.
11. Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964. С. 20.
12. Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. Ереван, 1980. С. 9.
13. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958. С. 241–244, 286.

14. *Магомедов Н.А.* Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Махачкала, 2005. С. 18.
15. *Неверовский А.А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 9.
16. *Левиатов В.Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 66.
17. *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 18, 31–32.
18. *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний яко часть истории Государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 31, 100.
19. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. С. 9, 17.
20. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1938. С. 37, 38.
21. *Комаров В.В.* Персидская война 1722–1725 гг. (Материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. СПб., 1867. Т. 68, № 4. С. 17.
22. *Бакиханов А.А.* Гюлистан и-Ирам. Баку, 1991. С. 125.
23. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1, 1721. Д. 8. Л. 60б.
24. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X, т. 18. С. 373.
25. АВПРИ. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1, 1721. Д. 7. Л. 144 об. – 145.
26. *Джалалян Е.Х.* Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.). Баку, 1989. С. 27, 28.
27. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 66.
28. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1967. С. 107.
29. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 49.
30. *Бутаев А.А.* Освободительная борьба народов Северо-Восточного Кавказа под руководством Хаджи Дауда Мюшкюрского в первой трети XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. С. 18.
31. *Алиев Ф.М.* Азербайджано-русские отношения (XV–XIX вв.). Баку, 1985. С. 59, 60.
32. *Мамедова Г.* Русские консулы об Азербайджане в 20–60-е годы XVIII в. Баку, 1989. С. 5, 30.
33. АВПРИ. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1, 1723. Д. 5. Ч. 1. Л. 11 с об.
34. Сборник Российского исторического общества. СПб., 1886. Т. 52. С. 19–29.
35. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 42.
36. АВПРИ. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1, 1726. Д. 15. Л. 32 с об.
37. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1728 г. // История, география и этнография Дагестана (Архивные материалы) / под ред. *М.О. Косвена* и *Х.-М.О. Хашаева*. М., 1958. С. 103.
38. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 118.
39. *Мусаев С.А., Курбанов А.Д., Каяев И.А.* Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011. С. 158.

Поступила в редакцию 28.12.2011 г.
Принята к печати 18.03.2014 г.